

**СТОЛКНОВЕНИЕ В СМИ ПОЗИЦИЙ В ОТНОШЕНИИ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***

© 2016 г. Т.П. Емельянова, И.Е. Вопилова**

***COLLISION OF STANCES ON ASSISTED REPRODUCTIVE
TECHNOLOGIES AS REFLECTED IN MASS MEDIA***

T.P. Emelyanova, I.E. Vopilova

Анализ дискурса по проблеме вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) свидетельствует о преобладании консервативных представлений о семье. Появление новых технологий не меняет образа «нормальной» семьи, поскольку понятия, связанные с суррогатными матерями и донорами яйцеклеток, минимально присутствуют в содержании дискурса. При этом в интерпретациях моральной допустимости вспомогательных репродуктивных технологий с позиций демографии, социологии, православия и медицины содержатся противоречивые точки зрения.

The analysis of the issue of assisted reproductive technologies (ART) discourse demonstrated the prevalence of the conservative attitudes about family. The emergence of the new technologies doesn't alter the "normal" family image, so the surrogate mothers and egg cells donors concepts presents in the discourse minimally.

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ 0159-2016-0001.

** Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Институт психологии РАН, t_emelyanova@inbox.ru; Вопилова Ирина Евгеньевна, аналитик, Институт образования НИУ ВШЭ, irina.vopilova@gmail.com.

The interpretations of moral admissibility for ART from demographic, sociologic, church and medicinal standpoints contain conflicting views.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, моральные проблемы, помощь, социальные представления, медиа дискурс.

Key words: assisted reproductive technologies, moral issues, help, social representations, media discourse.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новизна и неоднозначность вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), с позиции общественной морали, не просто привлекает внимание общественности, но и стимулирует активное обсуждение этих вопросов. Ситуация когнитивной, эмоциональной и нравственной неопределенности побуждает людей, в соответствии со своей принадлежностью к той или иной социальной группе, идентичностью, другими социально-психологическими характеристиками, конструировать обыденные объяснения неоднозначных и малопонятных явлений. В эпоху новых технологий (Нестик, Солдатова, 2016), с одной стороны, и возрастающего влияния СМИ на сознание населения, с другой, важно понять механизмы конструирования тех феноменов обыденного сознания, которые порождаются возникновением технологических инноваций. Ведь именно они – социальные представления о науке и технологиях, а не сами технологии и наука – определяют менталитет и, в конечном счете, поведение людей (Емельянова, 2016).

Информация о медицинских технологиях, предназначенная для большой массы людей, выстраивается особым образом для того, чтобы решать определенные социальные задачи. Этим вопросам было посвящено, в частности, исследование О. Ткач, в котором анализировались публикации в федеральных и региональных выпусках «Российской газеты» и «Аргументов и фактов», касающиеся проблем применения репродуктивных технологий. В основную выборку вошли 90 статей, опубликованных с 1996 г. по 2010 г.

Отобранные автором газетные публикации анализировались с применением метода критического дискурс-анализа (Ткач, 2013). Опираясь на ранее проведенные исследования, автор использовала термин «нормализация», означающий когнитивный механизм включения новой информации в ранее существовавшее знание. Предполагалось, что задача газетных текстов о ВРТ состоит в информировании широкой аудитории о новых технологиях, и, кроме того, в попытках повлиять на общественное мнение в плане нормализации новых видов материнства и отцовства. Автор действительно нашла подтверждения того, что в газетных публикациях эксперты представляют читателям ВРТ как медицинские практики, помогающие естественному ходу явлений. Прослеживается мысль о том, что новые технологии постепенно входят в арсенал медицины и скоро станут привычными. Более того, их применение будет еще одним шагом в сторону не спонтанного, а сознательного (планируемого) родительства (там же), что гарантирует более ответственное отношение к воспитанию ребенка.

В контексте «нормализации» проблемы использования ВРТ поднимаются и вопросы родства, возникающие при привлечении суррогатной матери или использования донорской спермы. Выражения «мама напрокат», «инкубатор» для вынашивания ребенка, «рыночный агент» в случае суррогатного материнства призваны отделить истинное родство от технически необходимого, но не «настоящего». То есть применение репродуктивных технологий косвенно освобождается от проблемы фрагментарного родства и узаконивается как средство поддержания традиционной семьи. Определяющей признается генетическая связь ребенка хотя бы с одним из родителей. В этом контексте, по мнению большинства экспертов, применение ВРТ выигрывает по сравнению с практикой воспитания приемных детей. Привлеченные агенты (суррогатная мать, донор спермы или яйцеклетки) символически отчуждаются от основной семьи как временные исполнители соответствующих функций. Учитывая, что анализированные статьи представляли собой в основном интервью или материалы бесед с экспертами-медиками, можно сделать вывод,

что позиция медицинского сообщества направлена на продвижение ВРТ в практику и на обоснование (за счет нормализации феномена) целесообразности применения ВРТ без ущерба для традиционных семейных ролей.

Интернет-форум, объединяющий женщин, страдающих бесплодием, был исследован О. Г. Исуповой с помощью метода нетнографии. При анализе дискуссий участниц форума об использовании суррогатного материнства автором был обнаружен особый *когнитивный механизм*, который заключается в разрыве целостного феномена материнства на части. «Истинное» материнство объявляется обусловленным генетическим родством (с использованием собственной яйцеклетки) и социальными функциями по воспитанию ребенка. Вынашивание плода и роды интерпретируются как работа, которую можно делегировать другой женщине, но истинным материнством они не являются (Исупова, 2014). Для исследованного контингента женщин такой смысловой ход, по-видимому, обеспечивает психологическую защиту и обосновывает правомерность использования суррогатного материнства. Работает ли этот механизм у женщин с нормальной фертильностью, должны показать специальные исследования.

Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой актуальный объект исследования для социальных наук. С одной стороны, они активно обсуждаются в СМИ, становятся темами для обыденных разговоров, вызывают живой отклик не только в узкой профессиональной среде врачей и их клиентов, но и у широкой аудитории, а с другой стороны, они стали предметом научного знания. Более того, такие разновидности ВРТ как экстракорпоральное оплодотворение и суррогатное материнство являются «выпуклыми» социальными объектами, что объясняется и их новизной, и все большей распространенностью, и этической, эмоциональной неоднозначностью. Их изучение тесно связано с целым рядом других научных направлений исследований, в частности, с анализом психологических проблем поддержания здоровья современного человека (Бовина, 2007; Журавлев, 2004; Психологическое здоровье ..., 2014; и др.); психологических проблем семьи

(Ковалева, 2007; Психологические проблемы семьи ..., 2012; и др.); психологии нравственности современного общества (Нравственность ..., 2012; Психологические исследования нравственности, 2013; Юревич, Журавлев, 2013; и др.).

В пространстве общественного сознания, в медийном дискурсе присутствует точка зрения социологов и демографов, озабоченных общим снижением численности населения РФ. Приводятся данные, согласно которым 4,5–5 млн. человек в России, то есть 15–20 % населения репродуктивного возраста (15–49 лет) не способны зачать ребенка без медицинской помощи. Большое значение имеют ВРТ в связи с депопуляцией и процессами демографического старения, которые на рубеже XX–XXI веков потребовали особого внимания к новым источникам повышения рождаемости. Расчеты специалистов показывают, что включение вспомогательных репродуктивных технологий в государственную политику может оказаться рентабельнее, чем другие меры улучшения демографической ситуации (повышение детских пособий и др.) (Русанова, 2013). Специалисты напоминают также о некоторых современных тенденциях в брачном поведении: большом количестве одиноких мужчин и женщин, желающих иметь ребенка, достижении материальных условий для появления потомства лишь в пострепродуктивном возрасте, откладывании рождения ребенка, связанного с отсрочкой браков или его регистрации. Упоминается и гуманитарная составляющая проблемы: «бесплодие воспринимается людьми как фактор, не только не облегчающий их жизнь, но создающий дополнительные трудности, на преодоление которых они стремятся направить все усилия. Бесплодие повышает индивидуальную потребность в детях, увеличивает их внутрисемейную значимость, меняет ценностные ориентации семьи и индивида» (там же, с. 84).

Необходимо заметить, что, помимо мнения научного сообщества, в общественном сознании присутствует и другая позиция, заявляемая Русской Православной Церковью (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, 2000). В рамках этой позиции роль «вспомогательных»

агентов репродуктивных технологий не только не минимизируется, а, напротив, акцентируется, причем, в негативном ключе. Ряд технологий в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» квалифицируется вполне определенно: «Суррогатное материнство», то есть вынашивание оплодотворенной яйцеклетки женщиной, которая после родов возвращает ребенка «заказчикам», противостоит естественности и морально недопустимо даже в тех случаях, когда осуществляется на некоммерческой основе». Осуждается и донорство в репродуктивной сфере: «Использование донорского материала подрывает основы семейных взаимосвязей, поскольку предполагает наличие у ребенка, помимо «социальных», еще и так называемых биологических родителей». Не приветствуется также реализация «репродуктивных прав» одиноких мужчин, а также лиц с так называемой нестандартной сексуальной ориентацией. Влияние религиозно-моральных установок на конструирование социальных представлений о ВРТ пока не изучено, но оно, несомненно, существует.

В качестве методологической базы нашего исследования была выбрана *теория социальных представлений* С. Московиси (Moscovici, 1976), поскольку ее понятийный аппарат позволяет анализировать особенности дискурса, а именно тех категорий, которые используются людьми для описания и понимания новых социальных объектов и явлений (см. также: Психологическое воздействие ..., 2012, 2014; и др.), а также позволяет изучать нормализацию научного знания, то есть его распространение в непрофессиональной среде. С самого начала своего существования теория социальных представлений была ориентирована на изучение механизмов коммуникации в СМИ для объяснения конструирования обыденных репрезентаций.

Цель нашего исследования состояла в выявлении и описании социальных представлений через те категории, которые респонденты связывают с вспомогательными репродуктивными технологиями, в частности, с экстракорпоральным оплодотворением (ЭКО) и суррогатным материнством. Мы исходили из структурного подхода к изучению социальных представлений,

а именно, из идеи о том, что социальные представления внутренне организуются в двух системах – центральной и периферической (Abtис, 1993).

Центральная система, или «центральное ядро» представления состоит из одного или нескольких когнитивных элементов, ответственных за стабильность и разделяемость представления. Эти элементы тесно связаны с коллективной памятью и с историей социальной группы. Это система элементов, наименее восприимчивых к изменяющимся социальным контекстам. Центральная система выполняет функции образования общего смысла представления и определения организации других элементов.

Периферическая система состоит из таких элементов представления, которые делают возможными мобильность, гибкость и межличностные различия в представлениях. Таким образом, она представляет интеграцию индивидуального опыта и истории, поддерживает изменения, противоречия и разнородность конкретной социальной группы. Будучи более восприимчивой к изменяющимся контекстам, она обладает функциями адаптации к реальной, конкретной социальной практике и различения содержания представлений. Так она защищает центральную систему, или ядро, от ситуативных трансформаций. Согласно теории центрального ядра, для полного понимания социального представления необходимо объяснять не только его содержание, но и внутреннюю организацию или структуру. В *задачи* нашего исследования входило выявление ядра представлений об ЭКО и суррогатном материнстве.

МЕТОДИКА

Для проведения исследования был разработан опросник, включающий свободные ассоциации к понятиям «Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО)» и «Суррогатное материнство», интервью и блок социально-демографических вопросов. Опрос проводился в электронной форме. Респондентам предлагалось дать от 1 до 7 ассоциаций к исследуемым понятиям. Для дальнейшей обработки полученных ассоциаций применялась методика П. Вержеса (Vergès, 1994), позволяющая описать структуру

социального представления, выделив ядро представления и его периферию. В рамках данной методики полученные понятия предлагается анализировать, основываясь на двух показателях – частоте появления понятия в ответах респондентов и ранге появления понятия, причем основному анализу подлежат только понятия, преодолевшие определенный частотный порог (в нашем исследовании мы работали с понятиями, указанными не менее чем 5% респондентов). В исследовании социальных представлений по методу Вержеса «не производится замер времени реакции, но используется замер ранга ответа, что является эмпирическим критерием важности данного понятия для респондентов» (Бовина, 2007, с. 151).

Согласно идее Вержеса, понятия, выявленные с помощью ассоциативной методики, подвергаются прототипическому и категориальному анализу, опираясь на два *параметра*: медианы частоты появления той или иной ассоциации в ответах респондентов и значения ранга появления ассоциации. Использование такого показателя, как частота появления является эмпирическим критерием консенсуса — принципа, лежащего в основе структурного подхода. Итак, пересечение двух показателей — ранга возникновения, а также медианы частоты встречаемости ассоциации, позволяет анализировать структуру представления: 1) область, объединяющая ассоциации с низким значением ранга и высокой частотой воспроизведения. Другими словами, эти ассоциации воспроизводятся респондентами в первую очередь, причем большинством из них. В этой области располагается зона ядра представления. В остальных зонах располагаются элементы периферической системы: 2) область, объединяющая ассоциации с низким значением ранга и низкой частотой воспроизведения (первая периферия или периферия, близкая к ядру). В литературе можно найти гипотетические утверждения о том, что эти элементы отражают позицию меньшинства: воспроизводятся в первую очередь, но небольшим количеством респондентов (Abric, 2003); 3) область, объединяющая ассоциации с высоким показателем ранга и высокой частотой воспроизведения (вторая периферия); 4) область, объединяющая ассоциации с

высоким показателем ранга и низкой частотой появления (глубокая периферия). При анализе данных акцент был сделан на интерпретации ядерной части социальных представлений. Проблемно-ориентированные интервью, взятые у 16 респондентов, были нацелены на качественный анализ данных.

Выборка составила 177 человек (85% женщин, средний возраст 33 года; 15% мужчин, средний возраст 36,8 лет). Преимущественно (85% выборки) респонденты проживают в городах с населением более 1 млн. человек. 93% респондентов имеют высшее образование, 7% – незаконченное высшее, либо среднее профессиональное.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Из всего полученного массива ассоциаций (883 ассоциации для технологии «ЭКО» и 746 ассоциаций для технологии «Суррогатное материнство») путём объединения близких синонимов и разных словоформ одного и того же слова были составлены словари ассоциаций, которые затем были обработаны по методике Вержеса.

В табл. 1 и 2 представлены структуры социальных представлений об ЭКО и суррогатном материнстве, охватывающие 54.1% и 57.1% соответственно от всех названных ассоциаций.

Таблица 1. Структура социального представления об ЭКО (частота ассоциации, ранг ассоциации)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<3.40	≥3.40
≥18	Ядро	Первая периферия
	ребенок, дети (60; 2,50)	деньги, дорого (25; 4,12)
	бесплодие (36; 2,83)	проблемы, сложности (24; 3,25)
	пробирка (35; 2,37)	медицина (22; 3,54)
	искусственное, неестественное (32; 2,22)	врач (18; 4,22)
	возможность, шанс, выход (30; 3,17)	счастье, радость (18; 3,56)

	двойня, близнецы (28; 3,32)	
<18	Вторая периферия	Глубокая периферия
	беременность (21; 2,14)	надежда (16; 4.44)
	яйцеклетка (17; 2,71)	эмбрион (15; 3.60)
	помощь (14; 3,07)	больница, клиника (13; 3.50)
	оплодотворение (13; 2,85)	гормоны (12; 4.42)
		технологии (11; 4.27)
		семья (9; 4.33)
		сперматозоид (9; 4.44)

Как можно видеть в табл.1, центральное ядро социального представления об ЭКО составляют элементы, противоречивые по смыслу. С одной стороны, подчеркивается вмешательство в природу деторождения (ассоциации – «неестественное», «искусственное», «пробирка»), с другой, присутствуют ассоциации, подчеркивающие вынужденность этой меры («возможность», «шанс», «бесплодие», «выход»). Наибольшей же частотой отличаются ассоциации «ребенок, дети», как цель, вероятно, оправдывающая средства.

Таблица 2. Структура социального представления о суррогатном материнстве (частота ассоциации, ранг ассоциации)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2.85	≥2.85
≥14	Ядро	Первая периферия
	неестественное, искусственное (25; 2,08)	деньги, дорого (43; 3,09)
	чужое, не свое (24; 2,21)	возможность, шанс, выход (24; 3,21)
	заработок, ради денег, корысть (23; 2,74)	ребенок, дети (20; 3,40)
	помощь (18; 2,56)	законодательство (20; 3,50)
	бесплодие (16; 2,38)	проблемы, сложности (18; 2,78)

	женщина (14; 2,07)	использование, эксплуатация (18; 3,28)
	страх (14; 2,79)	договор, работа, услуга (18; 2,94)
	отчаяние, безысходность (14; 2,36)	
<14	Вторая периферия	Глубокая периферия
	отказ, сложно отдать (13; 2,46)	этическая дилемма (13; 3,08)
	вынашивание (13; 2,62)	обман, не отдаст (12; 3,08)
	беременность (10; 2,40)	надежда (10; 3,30)
	инкубатор, оболочка (9; 2,11)	риск, опасность (10; 3,00)
	мать (9; 2,78)	несчастье, трагедия, страдание (9; 4,56)
		геном, гены (9; 3,44)

Центральное ядро социального представления о суррогатном материнстве содержит низкие значения рангов ассоциаций (первые из высказанных респондентами), связанные с искусственностью, чужеродностью манипуляции в совокупности с указанием на заработок и корыстные мотивы. Примечательно, что не попавшие в ядро по статистическим основаниям (они находятся в ближайшей к ядру периферии), самые высокочастотные ассоциации «деньги» и «дорого» также примыкают к этой смысловой группе. Кроме того, в ядре присутствует группа ассоциаций, указывающая на идею помощи при бесплодии, на чувства отчаяния и безысходности. В ближайшей к ядру периферии высокочастотными оказались и ассоциации «возможность», «шанс», «выход».

Общими в представлениях об ЭКО и суррогатном материнстве являются элементы «искусственность» и «неестественность», которые включают в себя также элементы «противоестественно», «против природы» и другие близкие понятия. Данная группа элементов, с одной стороны, говорит о том, что переживание неестественности является важным элементом представления, но с другой, сама по себе она не дает информацию о том, почему

противопоставление естественности и неестественности становится столь значимым для респондентов. Проблемно-ориентированные интервью отчасти проливают свет на функцию этих элементов в конструировании представлений о ВРТ. Так, первые интервью позволяют предположить наличие конкурирующих и даже разнонаправленных дискурсов, центрированных на категории неестественности. С одной стороны, речь идет о дарвинистском дискурсе, в ходе которого респонденты рассуждают о том, что вторжение в естественный процесс может привести к сбоям в природных механизмах, передаче «слабых» генов, которые затем существенно ослабят человечество в целом. С другой стороны, категория неестественности в ответах респондентов связывается с нарушением интимности, с технологизацией таинства зачатия и, в целом, является примером сакрального дискурса.

Также общими для обоих представлений являются элементы «деньги» и «дороговизна» данных методов лечения, что привлекает внимание к социальному аспекту данной темы и говорит о значимости разрыва между богатыми и бедными и о доступности в глазах людей новых репродуктивных категорий лишь для наиболее обеспеченных слоев населения. Совпадают и такие категории как «бесплодие», «проблемы/сложности» и «возможность/шанс». Наличие этих категорий в едином поле позволяет интерпретировать их совместно, однако элемент «проблемы» нуждается в более подробной расшифровке со стороны информантов, так как семантически она может быть сопоставлена и с другими ассоциациями.

Данные социальные представления отличает акцентирование внимания на разных процессах: в структуре представления об ЭКО мы видим элемент «оплодотворение», в то время как представление о суррогатном материнстве содержит элемент «вынашивание». Также существенным отличием можно считать разную эмоциональную окраску: если в представлении об ЭКО, помимо негативно нагруженных ассоциаций, присутствуют ассоциации «радость», «счастье», «надежда», то в представлении о суррогатном материнстве мы видим больше негативно окрашенных ассоциаций – «страх»,

«отчаяние» и «безысходность», которые входят в ядро представления. Отношения между суррогатной матерью и клиентами представляются весьма напряженными: элемент «отказ» объединяет в себе ассоциации «сложно отдать», «психологически трудно отказаться от ребенка» и сочетается с элементами «обман» и «риск» того, что суррогатная мать не отдаст ребенка. В целом, представление о суррогатном материнстве можно считать более противоречивым и эмоционально «заряженным».

Так, ядро этого представления включает одновременно элементы «помощь», «заработок» и «нажива». По результатам А.С. Курленковой женщины, решившие стать суррогатными матерями или донорами яйцеклеток, активно обсуждают не только прагматические, т.е. денежные, но и бескорыстные причины своих предполагаемых действий. При этом женщины, которые принимают участие в данных процедурах с коммерческой целью, зачастую используют неэкономические категории для описания своих решений и действий, говоря о «даре жизни», «помощи», выводя на уровне языка данные отношения за границы рыночных отношений (Курленкова, 2016). Вероятно, относительно недавно возникший новый тип отношений является недостаточно урегулированным: с одной стороны, позволяя характеризовать ситуацию в категориях договора, работы, услуг, при этом новые отношения вводятся в привычные легитимные рамки, с другой, оказывается, что риски эксплуатации, использования женщин все же высоки, и такие опасения находят свое отражение в обыденном сознании. В связи с этим законность и этичность суррогатного материнства также представляются респондентам спорными. То есть, хотя институционально исследования вспомогательных репродуктивных технологий во многом и реализуются в юридическом и философско-этическом ракурсах, их содержание характеризуется «когнитивной полифазией» (Jovchelovich, Priego-Hernandez, 2015), то есть многомерным и разнонаправленным содержанием.

Важным элементом представления о суррогатном материнстве является элемент «чужое/не свое», в котором были объединены такие ассоциации, как

«чужая», «чужой человек», «чужая мать», «вынашивать чужого ребенка», «чужое тело», «чужая матка». Можно предположить, что эти ассоциации говорят о проблематизации родственных отношений в связи с ВРТ в обществе, осмыслении новых форм семьи и участия «дополнительных» людей в рождении ребенка. Однако анализ дискурса в СМИ относительно ВРТ говорит скорее о преобладании консервативных представлений о семье, в которых суррогатные матери и доноры яйцеклеток максимально исключаются из семейных отношений, а появление новых технологий отнюдь не меняет образа «нормальной» семьи (Ткач, 2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано, сейчас в нашем обществе на разных уровнях дискурса присутствуют различные трактовки этических, социально-политических, мировоззренческих вопросов, связанных с ВРТ: медицинские, социологические и демографические, религиозно-нравственные, то есть те, которые поддерживаются клиентами ВРТ, а также журналистские трактовки в высоко тиражных газетах. Изучение обыденного дискурса (Павлова, Журавлев, 2007; и др.), того языка, которым различные социальные группы описывают новые явления, дает возможность реконструировать отношения, в которые вступают социальные группы. Использование новых биомедицинских технологий ставит ряд этических, юридических и психологических вопросов (Ковалева, 2007). Понятия, используемые при обсуждении ВРТ, высвечивают наиболее проблемные темы для дальнейших исследований.

Общественность оказывается в сложном положении принятия/непринятия противоречивых точек зрения. Конструирование собственных интерпретаций затруднено в этих условиях и зависит от многих факторов. Среди них ситуации и жизненные события, социальный контекст, разделяемые убеждения, ценности, нормы, типичные для социальных групп, виды идентичности и многое другое. Конструирование социальных представлений предполагает процесс категоризации и приписывания смыслов

проблемным явлениям. В перспективе важны поиск и анализ механизмов, социально-психологических факторов, функций репрезентаций, создаваемых различными социальными группами, а также векторов изменения смыслов репрезентаций во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни: Аспект Пресс, 2007.

Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Журавлев А.Л. Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // Психологический журнал. 2004. Т.25. №3. С.107-117.

Исупова О.Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т.12. №3. С.381-397.

Ковалева Ю.В. Партнерские роды, психологический анализ и практические рекомендации // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе: Материалы Первой международной научно-практической конференции, 13-14 ноября 2007 г., Москва. М., 2007. С.189-193.

Курленкова А.С. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов // Социология Власти. 2016. №1. С.107-140.

Нестик Т.А., Солдатова Г.У. Основные модели цифровой компетентности // Наука. Культура. Общество. 2016. №1. С.107-119.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XII. Проблемы биоэтики. П. 4. 2000 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 15.05.2016).

- Павлова Н.Д., Журавлев А.Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С.6-11.
- Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Русанова Н.Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 1. С.69-86.
- Ткач О. Наполовину родные? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т.11. № 1. С.50-68.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т.34. № 3. С.4-14.
- Abric J. Cl. Central system, peripheral system: their function and roles in the dynamic of social representations // Papers on Social Representations. 1993. V.2. №2. P.75-78.
- Jovchelovich S., Priego-Hernandez J. Cognitive polyphasia, knowledge encounters and public sphere // The Cambridge Handbook of Social Representations / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CUP, 2015. P.163-178.

Moscovici S. La psychanalyse son image et son public. Paris: PUF, 1976.

Vergès P. Noyau central. Saillance et propriétés structurales // Textes sur les Représentations Sociales. 1994. №3(1). P.3-12.